
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР ПЕРИОДА ВОЙНЫ

Советская внешняя политика накануне войны

Источниковая база изучения внешней политики СССР в годы Великой Отечественной войны была заложена еще в советский период. Важнейшим источником стала публикация переписки И. В. Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время войны¹. Изучение переписки позволяет выявить ключевые проблемы формирования и эволюции антигитлеровской коалиции во время войны, дает возможность изучить характерные подходы советского руководства к вопросам взаимодействия с союзниками по коалиции, к проблемам послевоенного мироустройства.

Значительным этапом публикации источников стало издание документов международных конференций периода Великой Отечественной войны², которые позволили исследовать основные позиции советского правительства по важнейшим международным проблемам. Материалы конференций показывают последовательную борьбу советского руководства, сотрудников Народного комиссариата иностранных дел за объединение усилий для разгрома агрессоров, национально-государственные интересы СССР, создание стабильного послевоенного мира.

Серьезным вкладом в формирование доступного комплекса источников по истории внешней политики Советского Союза периода войны стала публикация документов об отношениях СССР с ведущими государствами антигитлеровской коалиции: США, Англией и Францией³. Изучение этих документов и материалов позволяет проанализировать различные аспекты советской внешней политики периода войны, показать вклад советской дипломатии в укрепление антигитлеровской коалиции. Удачным дополнением этих основополагающих изданий, подготовленных Министерством иностранных дел СССР, стал сборник документов по советско-американским отношениям периода войны, выпущенный международным фондом «Демократия»⁴. Сборник развил и расширил содержание выпущенного ранее двухтомника по советско-американским отношениям в годы Великой Отечественной войны.

Важным этапом в наращивании источниковой базы по рассматриваемой теме стала публикация документов внешней политики СССР за 1939–1942 г. Издание этой серии началось в 1957 г., но в 1977 г. было приостановлено и возобновлено лишь в 1992 г. Министерством иностранных дел России. Опубликованные до 2013 г. документы охватили первые четыре года Второй мировой войны и составили XXII–XXIV серии, изданные в восьми книгах⁵. Первые из этих томов представляют собой подборку широкого спектра документов, раскрывающих внешнеполитическую деятельность СССР накануне Второй мировой войны и в ее начальный период. Последующие тома являются ценным изданием документальных материалов о внешнеполитической деятельности СССР в период тяжелейших испытаний, обрушившихся на нашу страну после нападения гитлеровской Германии и ее союзников. Опубликованные документы показывают различные направления деятельности советской дипломатии — от укрепления антигитлеровской коалиции до контактов с нейтральными государствами. Большинство документов, включенных в названные тома, ранее не публиковалось. Издание носит научный характер, снабжено ценными примечаниями и указателями.

Фундаментальное издание документов внешней политики СССР дополняется материалами по отдельным проблемам международной жизни. Среди этих изданий заслуживает внимания сборник документов о внешней политике СССР по отношению к Германии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., подготовленный совместно с немецкими коллегами⁶. В этой публикации был введен в научный оборот большой массив советских внешнеполитических документов, касающихся Германии. Основой издания стали фонды Архива внешней политики Российской Федерации. Составители ставили перед собой две основные задачи: показать советскую политику в германском вопросе с учетом отношений СССР с его главными союзниками и раскрыть особенности формирования послевоенной политики советского руководства в отношении Германии на основе доступных документов НКВД. Большая часть документов сборника была опубликована впервые. В издание включены содержательные примечания и полезные указатели.

К названным сборникам примыкает публикация документов из Архива Президента Российской Федерации и Архива внешней политики Российской Федерации, раскрывающих процесс формирования и укрепления антигитлеровской коалиции⁷. В центре внимания книги находятся материалы, связанные с визитом британского министра иностранных дел А. Идена в Москву в декабре 1941 г., и документы, освещающие визит советского наркома иностранных дел В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон в мае — июне 1942 г. Публикация бесед И. В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта и других документов позволяет воссоздать достоверную картину советских усилий по налаживанию и укреплению отношений с Великобританией и США в период Великой Отечественной войны. В труде подчеркивается: «В результате интенсивных, порой драматических переговоров, которые велись под контролем или при личном участии И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля, были приняты и документально оформлены важнейшие решения, объединившие усилия СССР, США и Великобритании в борьбе с агрессией нацистской Германии, ее союзников и сателлитов»⁸.

Заслуживает внимания и документальный труд⁹, в котором на основе анализа документов из российских и британских архивов воссоздается содержательная панорама отношений между советским и английским руководством с сентября 1941 г. до июля 1945 г. В книгу включены не только дискуссии И. В. Сталина с У. Черчиллем, но и записи бесед В. М. Молотова с британскими руководителями, обмен телеграммами между Москвой и советским посольством в Лондоне. В публикацию вошли отрывки из мемуаров участников событий, ее органично дополняют записи некоторых важных бесед лидеров двух стран. В труде особо подчеркивается мысль о том, что И. В. Сталин и У. Черчилль «искали и находили подходы друг к другу, принимая решения в интересах объединения усилий во имя борьбы против нашествия агрессоров. Тем более ценен не имеющий прецедента в истории опыт сотрудничества руководителей СССР, США и Великобритании, его возможностей и пределов, поучительных поисков Сталиным и Черчиллем взаимных компромиссов, в том числе в личных отношениях, также необходимых для достижения общей цели»¹⁰.

Публикации документов дополняются мемуарами и дневниками политических деятелей и дипломатов. К сожалению, В. М. Молотов не оставил мемуаров, но в какой-то степени этот пробел восполнили записи бесед с ним, опубликованные писателем Ф. И. Чуевым¹¹. Он встречался с В. М. Молотовым на его даче в 1969–1986 гг., и его записи — это не стенограммы и не диктовки, а воспроизведение писателем высказываний собеседника. Значительное место в этих беседах заняла советская внешняя политика периода Великой Отечественной войны, деятельность В. М. Молотова в качестве наркома иностранных дел. Он оставил ценные свидетельства о внешнеполитических событиях, участником которых являлся, а также яркие портретные зарисовки тех политических и государственных деятелей, с которыми контактировал. Однако о некоторых моментах внешней политики Советского Союза нарком не рассказывал. Так, он отрицал подписание секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г.¹²

Большое значение имеют мемуары советского государственного деятеля и дипломата А. А. Громыко¹³. В годы войны он был советником посольства СССР в США, а с 1943 г. — Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в США. А. А. Громыко участвовал в подготовке и проведении конференций большой тройки в Тегеране, Ялте и Потсдаме, руководил советскими делегациями на конференциях в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско. Мемуары А. А. Громыко показывают общую атмосферу на этих конференциях, рисуют портреты их участников, позволяют уточнить советскую позицию по отдельным вопросам. Несомненный интерес вызывают характеристики советских дипломатов, содержащиеся в мемуарах одного из ведущих политических деятелей СССР.

Интерес представляют дневники участников событий. Заметным пополнением источников по внешней политике СССР периода войны стала публикация личного дневника советского политика и дипломата И. М. Майского¹⁴. Военный период с 1939 по 1943 г. отражен во второй книге этого издания. Занимая пост посла СССР в Великобритании, И. М. Майский день за днем освещал и анализировал события, связанные с внешнеполитическим курсом СССР, развитием отношений между Советским Союзом и Великобританией. В дневнике посла нашли освещение его контакты с политическими и общественными деятелями Англии, несомненный интерес представляют его оценки событий, размышления об эволюции международной обстановки. Дневник позволяет лучше понять развитие предвоенного международно-политического кризиса, политику Великобритании в 1939–1941 гг., является ценным источником при изучении роли СССР и Англии в формировании и становлении антигитлеровской коалиции после 22 июня 1941 г. Записи И. М. Майского дают возможность в ряде случаев уточнить мотивы тех или иных акций советского руководства. Составители снабдили издание содержательными примечаниями и комментариями.

Следует отметить, что советская историография внешней политики СССР периода Второй мировой войны была в значительной степени идеологизирована, выдержана в пропагандистском духе. Просчеты и ошибки, как правило, замалчивались или отрицались¹⁵.

Во второй половине 1980-х гг. в отечественной историографии начали появляться публикации, в которых освещались различные версии по многим вопросам внешней политики СССР в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны. В первую очередь дискуссии развернулись вокруг советско-германского пакта о ненападении, заключенного в августе 1939 г. и прилагавшегося к нему секретного протокола, особенно после того как в декабре 1989 г. Съезд народных депутатов СССР осудил факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 г. и других секретных договоренностей с Германией¹⁶. Тем самым были открыты возможности для критического анализа руководства государства накануне и в ходе Второй мировой войны.

В 1990 г. был издан документальный труд, в котором публиковались документы 1939 г.¹⁷ В нем подчеркивалась ответственность нацистской Германии за развязывание Второй мировой войны, подвергалась критике политика Англии и Франции, сделавшая невозможной реализацию создания системы коллективной безопасности накануне Второй мировой войны. В труде отмечалось, что «СССР в основном проводил курс на коллективную безопасность

и предотвращение военной катастрофы»¹⁸. Советско-германские договоренности 1939 г. оценивались как вынужденный временный компромисс с обеих сторон. Вместе с тем авторы осуждали демонстрацию дружбы с Германией советской стороной и пропагандистские демарши советского руководства по поводу побед германского оружия.

В ряде работ просчеты в сфере внешней политики и дипломатии связывались с деформациями социализма внутри страны, уверенностью И. В. Сталина в том, что ему удастся оттянуть столкновение с Германией и А. Гитлер не начнет войну против СССР в 1941 г.¹⁹ Заявлялось, что, «переоценив свои способности влиять на политику других стран, Сталин совершил ряд просчетов стратегического и идейно-политического характера»²⁰.

В работах периода перестройки подчеркивалось, что в антигитлеровской коалиции в годы Великой Отечественной войны переплетались элементы недоверия и взаимной подозрительности со стремлением общими усилиями добиться разгрома фашизма, сохранить союзнические отношения. Накапливавшиеся взаимные претензии союзников в полной мере сказались после завершения Второй мировой войны²¹. Критический подход к деятельности советского руководства в международной сфере высказывался и в других работах²². Несмотря на то что в этих работах отмечалось возрастание международного влияния Советского Союза к концу войны, внешняя политика «тоталитарно-бюрократического государства» оценивалась критически²³.

В других работах, посвященных кануну Великой Отечественной войны, все основные внешнеполитические акции СССР рассматриваемого периода оценивались положительно, включая советско-германский договор о ненападении от августа 1939 г. Так, В. Я. Сиполс делает вывод: «Центральное место во внешней политике СССР в то время занимала проблема предотвращения или хотя бы отсрочки нападения со стороны фашистской Германии. Но чрезвычайно сложными были отношения даже с Англией, Францией и США... Что касается советской дипломатии, то она своей активной деятельностью способствовала провалу планов «крестового похода» против СССР»²⁴. А в книге «Великая Победа и дипломатия», в которой освещается история внешней политики и дипломатии СССР в период Великой Отечественной войны, доказывается, что советская дипломатия внесла существенный вклад в Великую Победу, высоко оценивается создание мощной коалиции СССР, Англии и США, значительно превосходившей по своим ресурсам блок фашистских агрессоров, отмечается, что Советский Союз обеспечил при решении послевоенных проблем защиту своих государственных интересов, безопасность своих границ в Европе и на Дальнем Востоке, что сыграло важную роль при решении многих вопросов послевоенного мирного урегулирования²⁵.

В 2000-х гг. в отечественной историографии была сделана попытка отойти от категоричных суждений и оценок в достижениях и просчетах советской внешней политики и дипломатии в 1939–1941 гг.²⁶ Обращалось внимание на то, что СССР вошел в число ведущих держав, делавших мировую политику, смог не допустить нового Мюнхена, добился территориальных приобретений. В результате, исходя из тех целей, которые преследовало советское руководство, договор СССР с Германией августа 1939 г. — «вовсе не просчет, а желанный для него результат. Поэтому некоторые авторы считают пакт успехом советского руководства, которое смогло достичь своих целей»²⁷. Кроме того, преодолевались несостоятельные стереотипы в отношении советской политики в Восточной Европе²⁸.

Также стали появляться работы, в которых проблемы советской внешней политики 1939–1941 гг. освещались с использованием многофакторного метода, предполагающего учет самых различных, порой весьма противоречивых явлений и тенденций. В них подчеркивалось: «Только на основе многофакторного анализа возможно раскрытие всех сложностей и противоречивых тенденций развития в напряженные месяцы конца 1939 и 1940–1941 гг.»²⁹. Однако вместе с тем, оценивая тактику И. В. Сталина накануне нападения фашистской Германии на СССР, отмечается, что она обрекала страну на пассивность и в военной, и во внешнеполитической областях³⁰.

Вопросы советской внешней политики и дипломатии периода войны освещались и в работах по истории Второй мировой войны, и в трудах по международной деятельности

СССР. В них подчеркивается, что внешняя политика и дипломатия СССР периода войны опирались прежде всего на достижения Красной армии на полях сражений. Масштабная картина борьбы советского народа и его вооруженных сил против агрессоров была дана в фундаментальном труде «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки», изданном в четырех книгах³¹.

Некоторые аспекты советской внешней политики нашли освещение в труде «Мировые войны XX века»³². В частности, в нем отмечается, что советское правительство в дни тяжелейших испытаний 1941 г. высказалось за сближение с западными демократиями в соответствии с военными интересами страны. Антигитлеровская коалиция во главе с СССР, Великобританией и США успешно выполнила основную задачу разгрома стран-агрессоров. В рамках коалиции советская дипломатия добивалась скорейшего оформления договоренностей с Западом по вопросам послевоенного устройства. Руководители СССР, США и Великобритании смогли выработать в годы войны взаимоприемлемые решения по многим вопросам на международных конференциях и в ходе двусторонних переговоров. Однако к концу войны внутри большой тройки стали нарастать недоверие, подозрительность, политические разногласия. Отсюда и «неспособность победителей сохранить на длительное время международное сотрудничество»³³.

Истории деятельности Наркомата иностранных дел СССР накануне и в период Великой Отечественной войны посвящены соответствующие главы второго тома юбилейного труда «Очерки истории Министерства иностранных дел России»³⁴. Освещая события кануна Великой Отечественной войны, в издании особо подчеркивается мысль о том, что дипломатические донесения советских представителей, направлявшиеся в Москву, недвусмысленно свидетельствовали о готовившемся нападении фашистской Германии на СССР. К сожалению, советское руководство оставляло их без должного внимания. В главе о деятельности НКВД в годы Великой Отечественной войны показана многоплановая активность советской дипломатии: укрепление антигитлеровской коалиции, развитие отношений с нейтральными странами, усилия, направленные на развал фашистского блока. Обоснованно подчеркивая ключевое значение встреч руководителей стран большой тройки, в издании справедливо обращается внимание на повседневную деятельность экспертов наркомата по подготовке прорывных решений в отношениях между союзниками³⁵.

Большое значение в освещении проблем советской внешней политики, оценке внешнеполитических акций СССР и других стран накануне и в годы войны имеют вышедшие в свет тома фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»³⁶.

Антигитлеровская коалиция

Формирование и развитие антигитлеровской коалиции традиционно составляет одно из главных направлений исследований отечественных историков Второй мировой войны. Это объясняется как значимостью данной проблемы, так и той важной ролью, которую сыграл в этом процессе Советский Союз. Много в этом изучении было сделано уже в 1960-х гг., когда, с одной стороны, расширилась источниковедческая база исследований за счет публикаций официальных документов и мемуаров участников событий, а с другой — изменилась обстановка внутри страны, что позволило отойти от жестких пропагандистских штампов в трактовке отношений между союзниками, заложенных еще в книге «Фальсификаторы истории», изданной в 1948 г.³⁷

Пожалуй, наиболее представительной и широкой по своему охвату работой этого периода стало вышедшее в 1964 г. капитальное исследование видного советского дипломата и историка В. Л. Исраэляна, в котором становление и функционирование антигитлеровской

коалиции впервые рассматривались на всем протяжении ее существования³⁸. Хотя в фокусе внимания автора была дипломатическая история коалиции, она анализировалась в тесной связи с ситуацией на фронтах войны, военной стратегией союзников и внутренней обстановкой в США и Великобритании. Написанная на основе широкого круга источников и литературы, насыщенная значительным количеством фактического материала, эта работа стала отправной точкой для дальнейшего изучения данной проблематики. Характерна была и новая для того времени авторская оценка антигитлеровской коалиции как общего достижения союзников: «Создание антигитлеровской коалиции во главе с СССР, США и Англией явилось выдающимся событием в истории второй мировой войны, крупнейшим завоеванием свободолюбивых народов в борьбе против фашистских агрессоров, в значительной степени предопределившим исход всей войны»³⁹. Неслучайно данная работа и по сей день остается, по сути, единственной попыткой в отечественной историографии рассмотреть всю историю антигитлеровской коалиции в рамках одного исследования. В этом смысле ее можно сравнить с классической в англо-американской историографии работой Г. Фейса по дипломатической истории войны⁴⁰.

Дальнейшее изучение проблематики антигитлеровской коалиции в нашей стране пошло по пути углубленного исследования отдельных аспектов этой огромной темы. В концептуальном отношении окончание холодной войны и советского периода отечественной истории дало простор для корректировки сложившихся подходов и появления новых интерпретаций событий. Историки стали более пристально и критически относиться к советской внешней политике, различать в ней существование разнонаправленных тенденций, многовариантности выбора внешнеполитического курса основных участников антигитлеровской коалиции⁴¹.

Заметным явлением стал выход в 1995 г. первого совместного труда ведущих российских, американских и британских историков по антигитлеровской коалиции «Союзники в войне». В нем проводится сравнительный анализ военной стратегии, состояния экономики и общества трех великих держав в годы войны, что позволило дать комплексную картину состояния Великого альянса, сопоставить достижения национальных исторических школ, выявив общие моменты и различия в их подходах к изучаемой проблематике⁴².

Изучению «внутреннего тыла» стран антигитлеровской коалиции посвящен труд «Война и общество»⁴³. Главным направлением изучения антигитлеровской коалиции является проблема второго фронта — узловая для межсоюзнических отношений, имевшая особое значение для Советского Союза, вынесшего на себе основную тяжесть войны с нацистской Германией. Эгоистическая политика США и Великобритании по затягиванию открытия второго фронта еще со времен самой войны стала главным предметом советской критики, которая затем перекочевала и в отечественную историографию. В годы холодной войны проблематика второго фронта превратилась в поле острой полемики с англо-американской научной и мемуарной литературой. В качестве оправдания действий своих правительств в ней приводились следующие основные доводы: военные операции союзников в Северной Африке, Италии, бомбардировки территории Германии и ее европейских союзников являлись фактически эквивалентом второго фронта и оказали большую помощь СССР; людские и материальные ресурсы союзников в 1941–1943 гг. были недостаточными для успешного вторжения на Север Франции; некоторые американские исследователи возлагали главную ответственность за отсрочки с открытием второго фронта на англичан, утверждая, что США выступали за ускорение этой операции.

В 1970-х — начале 1980-х гг. в отечественной историографии появилось несколько работ с подробным анализом политико-дипломатической борьбы по вопросу второго фронта⁴⁴. На базе доступных советских и зарубежных источников в них дополнены и конкретизированы имевшиеся в то время представления о политике союзников, показана реальная сложность дипломатической борьбы по вопросу о втором фронте и дана более взвешенная картина всего комплекса межсоюзных противоречий, в том числе и разногласий между США и Великобританией по проблеме второго фронта. Анализ в этих работах строится на противопоставлении двух линий в вопросе о втором фронте — советской и англо-американской⁴⁵.

Ряд исследователей делал основной упор на противоречия внутри антигитлеровской коалиции, подчеркивая ее конфликтный потенциал⁴⁶. Именно этот глубинный конфликт интересов, коренившийся в антисоветизме западных держав, и вызывал, согласно этой точке зрения, противоречия с СССР по второму фронту. В доказательство приводился обширный и в целом достоверный фактический материал о скрытых связях деловых и политических кругов США и Великобритании с нацистской Германией, о тайных сепаратных контактах между союзниками и германскими агентами, об активности наиболее враждебно настроенных к СССР представителей западных спецслужб, политиков и дипломатов.

Другие исследователи придерживались более сдержанной оценки мотивов и политических целей союзников в вопросе о втором фронте⁴⁷. Полностью признавая корыстный интерес англо-американцев в затягивании лобового удара по Германии, они склонны были объяснять его не намерением обескровить Советский Союз и подорвать его послевоенные позиции, а понятным стремлением к сбережению своих сил и средств за счет союзника, у которого нет иного выхода, кроме как продолжать сражаться. Несколько иначе они подходили и к вопросу о степени готовности союзников к открытию второго фронта, признавая наличие объективных препятствий к этому вплоть до 1943 г. Однако данный вопрос остается сравнительно мало разработанным в отечественной историографии, что связано с общим недостатком внимания к углубленному изучению военного строительства и военной стратегии США и Великобритании в годы войны на основе первоисточников.

При более углубленном анализе англо-американских отношений в годы войны ряд исследователей корректирует былое представление о том, что У. Черчилль и британский истеблишмент в целом в вопросе о втором фронте вели за собой «упирающихся» американцев. На деле, показывают они, между Лондоном и Вашингтоном по данному вопросу существовал весьма широкий «стратегический консенсус»⁴⁸.

В целом, несмотря на продолжающиеся дискуссии, для отечественной историографии второго фронта характерна бóльшая преемственность оценок между советским и постсоветским периодами, чем по другим проблемам антигитлеровской коалиции. Эта преемственность также во многом объясняется и самим содержанием проблемы, в котором моральное преимущество находится явно на стороне Советского Союза. Тем не менее, несмотря на окончание холодной войны, проблематика второго фронта остается полем столкновения взглядов отечественной и англо-американской исторических школ, при этом в западной по-прежнему преобладает тенденция к преувеличению роли второго фронта и принижению вклада СССР в общую победу союзников.

Другим важным направлением в изучении антигитлеровской коалиции отечественной исторической наукой является анализ двусторонних отношений между союзниками. Импульс такому изучению дали публикации советских архивных документов по отношениям СССР с США, Великобританией, Францией, Югославией, Чехословакией и другими участниками антигитлеровской коалиции в годы войны. В результате появился целый комплекс работ, в которых детально рассматриваются межсоюзные отношения на двустороннем уровне. Центральное место здесь принадлежит анализу советско-американских отношений, имевших особое значение для всей антигитлеровской коалиции.

Массовое открытие отечественных архивов в 1990-х — начале 2000-х гг. в сочетании с новыми возможностями работы в архивах США заметно расширили источниковедческую базу исследований и дали возможность для свежего взгляда, казалось бы, на уже изученные проблемы, а также для расширения фронта исследований и постановки новых проблем⁴⁹. Эти работы отличает не только свежий и богатый фактический материал, почерпнутый из американских и российских архивов, но и новый концептуальный подход к проблематике, который, во-первых, включает в себя изучение всего комплекса основных факторов, влияющих на отношения между СССР и США, а во-вторых — анализ различных аспектов этих отношений: дипломатии, разведки, военного сотрудничества, внешнеполитического планирования и пропаганды. Двойная трансформация советско-американских отношений (от холодного мира на рубеже 1940-х гг. к боевому союзу, а затем к его развалу и началу холодной

войны) впервые прослеживается как единый процесс двустороннего взаимодействия. На основе сравнительного анализа политики США и СССР раскрыт ряд особенностей и закономерностей протекания этого процесса, что позволило точнее определить вклад каждой из сторон как в создание Великого альянса, так и в его распад⁵⁰.

В ряде работ детально исследуется важнейший аспект советско-американских отношений — проблемы послевоенного урегулирования в Европе и их влияние на отношения между СССР и США, в том числе и в широком социокультурном контексте. Это позволяет выявить глубинные и долгосрочные детерминанты советско-американского взаимодействия, накладывавшие жесткие ограничения на сближение двух стран⁵¹.

Активно продолжается и начатое еще в 1970-х гг. изучение роли Франции в антигитлеровской коалиции, ее отношений с США и СССР, причем с участием французских историков⁵².

В последние годы заметно растет интерес исследователей к «человеческому измерению» союзных отношений: роли общественного мнения, человеческих контактов и взаимного восприятия стран антигитлеровской коалиции. На большом фактическом материале американских архивов и прессы исследуется роль общественного мнения в формировании политики США на советском направлении, советско-американо-британские контакты на разных уровнях — от рядовых граждан до высшего политического руководства. Выявлены сдвиги во взаимном восприятии двух обществ под воздействием боевого сотрудничества в борьбе с фашизмом⁵³.

Еще одно развивающееся направление отечественной историографии антигитлеровской коалиции — изучение торгово-экономических связей между СССР, США и Великобританией в годы войны. Ключевой проблемой здесь являлась тема ленд-лиза, которой и был посвящен ряд работ. На основе документов центральных и местных архивов, а также воспоминаний участников событий была воссоздана подробная картина осуществления ленд-лизских поставок по северному и тихоокеанскому маршрутам, даны новые, более взвешенные оценки масштабов этой помощи и ее реального вклада в военные усилия СССР⁵⁴.

В целом, отечественная историография вносит большой вклад в изучение антигитлеровской коалиции, хотя здесь есть еще немало возможностей для научного анализа.

Восточная Европа в советской политике в годы Великой Отечественной войны

За истекшие 20–25 лет в российской исторической науке происходили существенные перемены в понимании прошлого, в том числе и в истории отношений со странами Восточной Европы. Процесс осмысления совершался на основе собственного жизненного и творческого опыта, а также благодаря открытию архивных фондов. Новая информация позволила исследователям более детально изучить страницы пройденного советским обществом пути, глубже понять цели и действия СССР на международной арене.

Страны Восточной Европы, расположенные по периметру границ СССР, а также Югославия и Албания занимали особое место во внешнеполитической работе советского руководства и в исторической науке СССР. Это объяснялось объективными обстоятельствами: многовековое соседство государственных территорий, общие славянские корни титульных этносов в ряде стран региона. Напоминанием служили рожденная в XIX в. идея «славянской взаимности»⁵⁵ и славянский сегмент населения внутреннего и внешнего приграничья неславянских государств. Играли роль традиции сосуществования малых славянских этносов в многонациональных странах и некая духовная родственность со славянским зарубежьем титульного населения. Всё вместе взятое определяло отдельное геополитическое место Восточной Европы на континенте, формировало здесь зону приложения, взаимодействия

и столкновения противоречивых интересов крупных государств, а в годы мировых войн — и США, создавало конфликтогенную атмосферу национально-политического и международного напряжения.

Для советского руководства Восточная Европа представляла особый внешнеполитический интерес. После Первой мировой войны в условиях революционного подъема в Европе реализация приоритетных интересов государства с новым общественным строем виделась в продвижении на Запад идеи социализма и применения советского опыта. Однако в реальной политике Советского Союза идеологическая составляющая его намерений уже в 1920-е гг. смещалась на политическую периферию. Определяющей тенденцией выступала задача обеспечить безопасность с Запада путем обретения геополитического влияния в центре и на востоке континента.

В связи с неосуществимостью в 1930-е гг. идеи создания коллективной безопасности с участием СССР и с наличием угрозы его изоляции в результате политики западных держав, пошедших на мюнхенский сговор осенью 1938 г., акцент делался на тезисе враждебного окружения Советского Союза. Одновременно прилагались усилия к тому, чтобы избежать участия СССР в большой внутренней войне в мире капитала. С началом Второй мировой войны определяющей целью советской внешней политики все больше становился вопрос о послевоенной геополитической безопасности СССР вместе со странами Восточной Европы.

Для западных держав, организаторов геополитической карты Восточной Европы по итогам Первой мировой войны, озабоченных собственной безопасностью, восточноевропейская территория в межвоенное время виделась санитарным кордоном, ограждавшим континент от влияния СССР и одновременно служившим препятствием советскому участию в европейской политике. Нацистская Германия рассматривала малые страны востока и юго-востока Европы как стартовую зону борьбы за жизненное пространство и мировое господство.

Геополитические цели малых стран в ту пору не были консолидированными: одни стремились наладить отношения с Германией, другие безуспешно пытались объединиться в интересах нейтрализации угрозы и с запада (Германия), и с востока (СССР). Между 1 сентября 1939 г. и 22 июня 1941 г. действовавшие в эмиграции правительства Польши и Чехословакии, захваченных фашистской Германией, возобновили попытки создать региональный инструмент безопасности региона после войны. Но идея конфедерации выглядела малопродуктивной по причине несовпадающего отношения лидеров этих стран к союзу с СССР и разной меры их заинтересованности в объединении.

После 22 июня 1941 г. ситуация принципиально изменилась. Общность цели — борьба с фашистской Германией — рождала широкую коалицию, включая СССР. Этот факт изменял и геополитическое предназначение восточноевропейского пространства. Движение процессу определения его роли в послевоенной Европе придали поддержка Советского Союза, выраженная У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом, сопротивление Красной армии, ее крупная победа под Москвой и предложенная в декабре 1941 г. И. В. Сталиным схема советско-польской и польско-германской границ, ставшая важнейшим элементом послевоенной реконструкции континента. Проект региональной конфедерации малых стран не обретал перспективы как из-за нараставших непреодолимых разногласий между лидерами Польши (В. Сикорский) и Чехословакии (Э. Бенеш) в понимании роли СССР в войне и определении геополитической судьбы региона, так и из-за негативной реакции советского руководства.

К концу 1943 г. прояснилось единодушное мнение большой тройки о предназначении региона быть барьером от повторной германской агрессии. СССР доставалась роль гаранта безопасности и мира в регионе. В конечном счете, благодаря победам Красной армии общими военно-политическими усилиями великих держав, через противоречия и компромиссы, состоялось превращение замысла в реальность. СССР становился одной из великих держав мирового сообщества, а Восточная Европа — сферой его геополитических интересов, в чем политическое руководство видело достаточное условие обеспечения безопасности Советского государства.

На обоснование этой стратегической цели средствами идеологии и конкретно-историческими материалами, оправдание непомерно высокой цены, заплаченной в годы войны за ее достижение, и была направлена советская историография. Она лишь воспроизводила, как правило, достоверный, но отретушированный и идеологически ранжированный фактографический ряд событий без соотнесения их с ситуацией в странах региона и в отрыве от объективных возможностей собственной страны.

С распадом СССР начался этап верификации национально-государственных интересов, включая инструменты их внешнеполитического обеспечения. В новой ситуации определялось место увеличившегося территориально «внешнего» восточноевропейского региона в стратегии и внешнеполитической деятельности России. Согласно новым знаниям и объективным условиям в стране совершался критический анализ отношений с союзниками по советскому блоку, существовавшему более 40 лет. Пересматривались концептуальные установки и субординация целей в этом зарубежье. Одновременно в отечественной историографии происходил процесс переосмысления советских идеологических норм.

Исторически корректное отражение внешней политики СССР в Восточной Европе формировалось в постсоветской историографии постепенно. Первой попыткой дать отчасти обновленное толкование роли СССР в истории стран Восточной Европы стали однотомные обобщающие коллективные монографии по истории с древнейших времен до наших дней Болгарии (М., 1987), Румынии (М., 1987), Чехословакии (М., 1988), Венгрии (М., 1991), Албании (М., 1992) и Польши (М., 1993). Однако эти книги готовились в условиях, когда отечественные архивы только открывались и процесс осмысления прошлого лишь начинался. Наибольшие сложности ожидали авторов разделов, посвященных внешней политике СССР межвоенного времени, периода Второй мировой и Великой Отечественной войн, а также первого послевоенного десятилетия в отношении стран, находившихся в составе блока. Удавалось тогда не все. Серьезные пробелы в знании фактологического материала, обеспечении достоверными источниками не позволяли объяснять «забытые» ранее события.

В конце XX — начале XXI в. главной формой научной жизни российских специалистов по истории восточноевропейских стран и роли в ней СССР были дискуссии, конференции по общим темам и конкретным вопросам. С 1988 г. в формате круглого стола обсуждалась, как тогда казалось, менее политически уязвимая проблема антифашистского движения Сопротивления в странах региона. Акцент делался на анализе советского воздействия на формирование политических целей, облика и размежевания в движении. Итогом стала книга, подготовленная в основном сотрудниками Института славяноведения РАН⁵⁶. Ее следует в той же мере, что и предыдущие, отнести к переходным работам.

Понятно, что научный интерес в ту пору концентрировался на тех вопросах, которые прежде цензурировались. В истории региона к таким вопросам, безусловно, относили события, связанные с последствиями пакта Молотова — Риббентропа и внешнеполитической деятельностью руководства СССР на начальном этапе Второй мировой войны, когда жертвами германской агрессии стали страны восточноевропейского региона. Первые итоги размышлений российских ученых были отражены в сборнике статей «Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1989). Заслуживает внимания книга «СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939—1941 гг. Дискуссии, комментарии, размышления» (М., 2007). В ней опубликованы материалы круглых столов, прошедших в Институте славяноведения в 1989—1990 и 2000—2002 гг.

Остановившись на историографии названного периода, надо подчеркнуть, что повышенный интерес к событиям между августом — сентябрем 1939 г. и июнем 1941 г. совершенно естественен. С этим временем неразрывно связано содержание внешней политики СССР в отношении региона после 22 июня 1941 г.

Дискуссии рубежа XX—XXI вв. показали многообразие тематики и порой существенные расхождения в оценках учеными советской внешней политики. Это многообразие отражено в коллективных трудах и сборниках статей, изданных в России за последнюю четверть века.

Книги прямо касаются восточноевропейского региона, или он рассматривается внутри тематически широких, обобщающих работ⁵⁷.

Многочисленные публикации документов советского времени из архивохранилищ России, обсуждения в научном сообществе актуальных исторических тем способствовали разработке ранее выведенных за рамки научного поиска проблем советской внешней политики, переосмыслению комплекса действий руководства СССР, его целеполагающих установок, промежуточных и стратегических задач⁵⁸. Изучению вновь подвергался этап, предшествовавший началу Великой Отечественной войны. Ученые тщательно анализировали действия советского руководства, раскрывали подлинные интересы западных держав, намерения и просчеты лидеров малых стран региона, повлекшие за собой национальные трагедии кануна и периода войны.

К настоящему времени из архивов извлечена большая часть комплекса документов о событиях, предшествовавших заключению советско-германского договора о ненападении, и его последствиях. На добротной документальной основе исследуются причины подписания СССР документа, до сих пор не имеющего единодушных оценок. Среди российских ученых бытуют как полярные суждения, так и мнения более сложные. Далеко не все специалисты согласны с исключительно негативной оценкой пакта. Некоторые из них, отмечая стратегические просчеты и созвучные той внешнеполитической атмосфере моральные изьяны этого шага руководства СССР, относят к тактическим выгодам пакта с Гитлером неожиданную на определенном отрезке времени перспективу утвердиться в Восточной Европе, при этом «оставаясь как бы в стороне от военного противостояния»⁵⁹.

Выводы многих ученых опираются на всесторонний анализ основной тенденции в советской внешней политике до 22 июня 1941 г. — любой ценой избегая участия в войне, не допустить консолидации Европы без учета интересов СССР. В этой связи анализируется политика западных держав и Польши, элита которой не разглядела в приоритетной тенденции советского курса отложенного во времени национального интереса страны. Как элемент эпохи исследователи отмечают имевшую место некоторую враждебность ряда государств восточноевропейского региона к СССР, что, несомненно, влияло на планы и дела людей, подписывавших договоры и формировавших ситуацию в Европе накануне 22 июня 1941 г.

Заслуживают внимания те работы, в которых не преувеличиваются позитивные и не маскируются негативные результаты советско-германского пакта. В них соотносятся действия советского руководства летом 1939 г. с текущими задачами обеспечения безопасности СССР. Эти действия расцениваются как тактический выигрыш при стратегическом просчете ставки на масштабное сотрудничество с Германией. Летом 1939 г. «СССР стремился избежать вовлечения в войну, сохранить тогда польское государство... отвести угрозу, направив германскую агрессию на Запад»⁶⁰.

В некоторых работах на первый план выдвигаются позитивные для СССР последствия пакта — события, столь резкого по воздействию на ситуацию в Европе и не ставшего препятствием для 22 июня 1941 г. Советско-германский договор о ненападении расценивается «как значительный успех советской дипломатии». Иное дело — договор от 28 сентября 1939 г., который в российской историографии, как правило, считается ошибочным. Особое отношение и к разделу довоенной территории Польши. СССР не приобрел этнически польских земель, а лишь восстановил историческую справедливость, соединив разделенные границей украинский, белорусский и литовский народы, выступил «в качестве третьей силы, действующей в собственных интересах»⁶¹. Это подтверждается и составом населения, проживавшего на территориях, отошедших к Советскому Союзу⁶².

Известно, что отношения Советского Союза с Чехословакией и Югославией были разрушены развитием внешнеполитической ситуации в Европе. Без объявления сторонами состояния войны были прерваны отношения с Польшей. Для СССР основанием служила международная норма (*rebus sic stantibus*), допускавшая такие действия в сентябре 1939 г. вследствие коренного изменения ситуации. С началом Отечественной войны межгосударственные контакты были восстановлены с правительствами, сформированными в эмиграции.

В отечественной историографии советского периода в освещении истории этих отношений преобладала критическая тональность в адрес польского правительства. Основное внимание уделялось описанию процесса создания компартиями оккупированных фашистской Германией Польши, Чехословакии, Югославии и Албании подпольных политических организаций и партизанских отрядов, разоблачению политических режимов в Венгрии, Румынии и Болгарии, формированию во всех странах региона антигитлеровских и антифашистских национальных фронтов, освободительной миссии Красной армии в Восточной Европе в 1944–1945 гг. и возникновению власти, где решающими позициями располагали коммунисты⁶³.

Начавшееся с середины 1980-х гг. открытие российских архивов позволило создавать работы, отвечавшие научным требованиям максимально правдивого воссоздания времени войны и разносторонней советской политики в отношении оккупированных гитлеровцами или зависимых от них стран. Появились монографические исследования, книги и статьи, воспроизводившие отношения СССР с правительствами в эмиграции, историю выхода стран-сателлитов из союза с Германией и урегулирования отношений с СССР⁶⁴.

Нет возможности перечислить многие десятки книг и статей, опубликованных в настоящее время российскими специалистами по восточноевропейскому региону. Так в отечественной науке создавался задел для глубоких исследований всех проявлений советского воздействия на историю стран Восточной Европы, в том числе долгосрочных советских целей, оформление которых начиналось во время войны и завершалось в первые послевоенные годы. В результате сложилось многоаспектное исследовательское направление, получившее собирательное наименование «советский фактор в странах Восточной Европы». Это широкое понятие вмещало в себя ряд крупных исторических, весьма сложных и неоднозначных сюжетов, трудных для объяснения и восприятия в СССР — России и регионе как в прошлом, так и в настоящем: тесно связанные между собой геополитические и геостратегические интересы СССР в регионе в обстановке перехода Европы от войны к миру; участие СССР в организации многопартийной национальной власти и прежде всего силовых структур; внутриполитическая борьба за ее облик; роль советского руководства в рождении восточного военно-политического блока. Этот комплекс ключевых проблем нашел отражение в ряде авторских и коллективных монографий⁶⁵, а также многих научных статей⁶⁶.

В настоящее время разработаны многие важные проблемы: внутреннее положение в регионе в военное время; развитие двусторонних отношений малых стран с СССР; облик и национальная специфика движения Сопротивления в оккупированных и зависимых от фашистской Германии странах; деятельность коммунистов в условиях оккупации и эмиграции и переход компартий с общественной периферии в начале Отечественной войны в центр политической жизни в 1944–1945 гг. На конкретных материалах исследованы геостратегические интересы СССР в Центральной Европе и на Балканах, а также замысел и причины поражений двух крупных антигитлеровских восстаний в горах Словакии и в Варшаве. В 1990-х — начале 2000-х гг. по всем этим вопросам шли научные дискуссии. Как в публикациях, так и в дискуссиях преобладали, как правило, две точки зрения.

Сторонники одной из них считали, что идеология и классовые принципы определяли намерения и реальную политику советского руководства независимо от конкретных национальных обстоятельств и международных обязательств СССР перед антигитлеровской коалицией. Они настаивали на том, что политика Москвы изначально была направлена на установление советского общественного строя в странах Восточной Европы⁶⁷. Однако при таком подходе выводятся за скобки те принципы общественного устройства, которые были налицо в регионе в первые послевоенные годы: система связи с обществом через многопартийность; коалиционный облик правительств, сформированных в 1944–1945 гг.; реальная политическая борьба за власть и внешнеполитическую ориентацию с элементами борьбы вооруженной в отдельных странах; буржуазно-демократические преобразования в экономике, социальной и культурной сферах; далеко не советская модель отношений с занимавшей прочные позиции церковью.

Объяснения объективных внутренних причин и международной обусловленности сохранения этих рудиментов прошлого приверженцы этой точки зрения находят в лавировании и примитивном обмане населения коммунистами, относя их лишь к тактике, камуфляжу, коммунистической пропаганде⁶⁸. В своих утверждениях они игнорируют действие внешнего, западного фактора на развитие общественных процессов в регионе. Абсолютизированное ими внутреннее советское присутствие, как они полагают, и обусловило изначальную обреченность региона на социализм советского типа независимо от общественных позиций и настроений.

Впоследствии позиция представителей рассматриваемой точки зрения претерпела некоторую эволюцию. В более поздних работах констатируется, что в политике руководства СССР присутствовали, сливаясь в единое целое, два компонента: идеологически мотивированное распространение коммунистической власти за пределами СССР и геополитическая задача — обеспечение безопасности советских границ⁶⁹.

Сторонники иной точки зрения учитывают влияние советского фактора в Восточной Европе, но считают, что, скорее всего, до 1948 г. нет достаточных оснований говорить о слиянии в действиях Москвы, хотя бы в равной мере, идеологических задач (распространение социалистического строя в конкретном регионе) с геополитическими целями (исключение внешней угрозы вообще). Можно привести примеры, когда в сфере своего влияния Москва ограничилась геополитическими задачами (Австрия, Финляндия).

Опираясь на документы высшего эшелона советской власти, изучая его реальные политические установки, представители этой точки зрения не видят оснований говорить об изначальной обреченности всего региона на советизацию. Они полагают, что на рубеже войны и мира в субординации внешнеполитических приоритетов советского руководства было сохранение взаимодействия с партнерами по коалиции, а вовсе не социалистическая перестройка и тем более мировая революция. Основополагающим приоритетом в национально-государственных интересах выступало обеспечение послевоенной безопасности страны, в том числе посредством создания пояса из дружественных (по терминологии тех лет) сопредельных государств. В этом виделось надежное средство защиты от возможного повторения, как тогда считали, новой германской агрессии, обеспечения целостности страны и безопасности региона, гарантом чего выступал СССР. Всё то, что активно вставало на пути, подавлялось политическими и силовыми инструментами. При таком подходе «проблема безопасности приобрела фактически аксиоматический характер и явилась основой стратегического курса СССР»⁷⁰.

Второй основной аргумент этих историков состоит в утверждении, что советская сторона при реализации своего приоритетного интереса учитывала сложные позиции каждого конкретного общества и обусловленную тем меру своих возможностей⁷¹. Поэтому советское руководство содействовало созданию, безусловно, невраждебной СССР, хотя идеологически вовсе неродственной коалиционной власти. В ней участвовали разные силы, объединенные общей программой преобразований в соответствии с социальными запросами большинства населения.

Опубликованные документы того времени дают этим историкам основания считать, что целью советского военно-политического пребывания в регионе не было намерение установить свою оккупационную администрацию или насадить советский опыт, используя военную силу или политический приказ компартиям. По их мнению, идеологическая составляющая в политике СССР (классовое содержание власти и изменение общественного строя) на протяжении ряда лет имела в регионе явно подчиненный характер⁷².

В обоснование этой позиции приводятся конкретно-исторические материалы, которые свидетельствуют о последовательном стремлении СССР, передавая везде разную долю власти своим классовым союзникам — коммунистам, не вызывать социальные противостояния и политические конфликты, разрешаемые лишь насилием. Эти материалы позволяют рассматривать тактику демократических блоков как форму объединения во власти различных

политических сил, принимавших новую роль СССР и участие коммунистов во власти. Социально-политический компромисс, этот антипод классовой конфронтации и основной способ обеспечить внутреннюю стабильность для восстановления и развития региона, был ключевым в рассуждениях И. В. Сталина, который располагал опытом сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции и переносил его на внутреннюю жизнь стран Восточной Европы.

Идея компромисса лежала в основе концепции «национальных путей к социализму». В этом состояло, по мнению сторонников второй точки зрения, принципиальное отличие режима народной демократии от советского типа власти. Даже весьма высокая доля участия компартий во власти не являлась еще определяющим признаком, а лишь возможной предпосылкой советизации, если под этим термином понимать советскую модель организации власти. Утверждение иного общественного строя пришлось на следующую эпоху, когда с исчезновением общего врага разрушилась военно-политическая коалиция великих держав и в их политике оформилась другая целеполагающая установка: идеология стала играть первостепенную роль в определении стратегии⁷³.

Таким образом, постепенно среди специалистов по истории Восточной Европы наметились заметные шаги к сближению, которые заслуживают внимания с точки зрения поиска научной истины. Сторонники оценки народно-демократического режима как многопартийного для переходного общества все активнее вводят в свои аргументы геополитические мотивы намерений СССР. Сторонники же мнения о превалирующем влиянии идеологии на действия Советского Союза в регионе соглашались, что замыслы советского руководства и компартий стран региона развивались, приспосабливаясь к обстановке и переменам в политике великих держав. Это означает, что обсуждение учеными времени народной демократии в Восточной Европе все еще имеет место.

В разной мере исследованы такие проблемы, как принудительное перемещение крупных этнических групп коренного населения в результате изменения границ и территорий, прежде всего за счет потерпевшей поражение фашистской Германии. Как полагают исследователи, при реконструкции карты Восточной Европы победители стремились, наказывая Германию, исключить и существование национальных меньшинств, чтобы предотвратить внутри- и межгосударственные противоречия в регионе. Решением проблемы служили массовые принудительные депортации (выселения, переселения, эвакуации, перемещения, оптации или обмен населением). Они затронули судьбы многих миллионов немцев, поляков, украинцев, венгров, словаков, сербов, румын и других народов⁷⁴.

На конкретно-историческом материале рассматривается важнейшая геополитическая роль СССР в послевоенной реконструкции региона. В многочисленных научных статьях приводится новый документальный материал по истории национально-территориальных конфликтов и способам их разрешения. Анализируются проекты, которые создавались в эмигрантских правительствах стран Восточной Европы, исследуются с этой точки зрения материалы заседаний глав антигитлеровской коалиции. Ставятся вопросы, которые в советские времена не звучали, в научный оборот вводятся новые документы.

На сегодняшний день история советской политики в Восточной Европе в годы войны объемно и обстоятельно представлена завершенной серией книг «Славянские народы в XX веке»⁷⁵. В них отражается современный уровень научных знаний ведущих отечественных специалистов, понимание ими роли СССР в истории стран Восточной Европы.

Таким образом, российская историография накопила и проанализировала большой объем доброкачественного конкретно-исторического материала. Благодаря усилиям исследователей советская политика в Восточной Европе в годы Великой Отечественной войны перестала быть одноцветной и линейной, став многообразной и противоречивой в достижении генеральной цели, а именно — безопасности страны посредством влияния, контроля и разной меры соотнесения советских интересов с интересами стран Восточной Европы.

Политика СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Значительное внимание современная отечественная историография уделяет деятельности советской дипломатии на Дальнем Востоке и регионе Тихого океана в годы Второй мировой войны. За период после 1991 г. введен в оборот большой массив ранее неизвестных архивных документов и материалов, опубликован ряд монографий и статей, которые во многом уточняют и дополняют сложившиеся представления о внешнеполитическом курсе СССР в отношении Азиатско-Тихоокеанского театра боевых действий.

Первым опытом российско-японского сотрудничества в области исторической науки стал сборник документов, подготовленный совместно Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ) и Фондом японских историков⁷⁶. Первый раздел книги составили рассекреченные постановления Политбюро ЦК ВКП(б) из «особой папки», посвященные Японии. Они освещают усилия советской дипломатии, направленные на заключение двустороннего пакта о ненападении, а также урегулирование конфликтных ситуаций, возникавших вокруг КВЖД, консульств Японии и Маньчжоу-Го, японских концессий на Северном Сахалине и т. д. Некоторые постановления Политбюро посвящены подготовке СССР к возможному военному столкновению с Японией и мерам по укреплению обороны Приамурья и Приморья.

Ряд материалов политико-дипломатического характера вошел в сборник документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), посвященный Советско-японской войне 1945 г.⁷⁷

В 2007 г. вышел в свет пятый том документальной серии «ВКП(б), Коминтерн и Китай», освещающий политику СССР и Коминтерна в отношении Китая за период с августа 1937 г. до роспуска Коминтерна в мае 1943 г.⁷⁸ Включенные в него архивные документы свидетельствуют о стремлении СССР содействовать сохранению единого антияпонского фронта в Китае, не допустить вспышки гражданской войны в этой стране, ориентировать КПК на сопротивление японским захватчикам.

Особо следует сказать о фундаментальном и пока не завершеном проекте «Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы», который уже стал крупнейшей публикацией документов в истории отечественного китаеведения. В четвертом томе (издан в двух книгах в 2000 г.), открывшем данную серийную публикацию и охватывающем период 1937–1945 гг.⁷⁹, представлен богатейший пласт ранее неизвестных документов внешней политики СССР в отношении гоминьдановского Китая. Бесспорный интерес представляют, в частности, документы второй части тома, вскрывающие подоплеку подготовки визита в Москву Сун Цзывэня и его переговоров с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Их итогом, как известно, стало подписание 14 августа 1945 г. советско-китайского договора о дружбе и союзе. Впоследствии незаслуженно забытый по соображениям идеологической конъюнктуры, этот договор в действительности стал крупной победой советской дипломатии и существенно укрепил международные позиции СССР на Дальнем Востоке.

Советская помощь Китаю в годы антияпонской войны остается предметом пристального интереса российских исследователей. За последние годы вышли в свет работы, содержащие обширный фактический материал о ее конкретных формах и масштабах⁸⁰. Значение двустороннего сотрудничества трудно переоценить: в первые, самые трудные годы войны СССР являлся фактически единственным поставщиком вооружений Китаю, который в то время своего оружия (за исключением стрелкового) не производил. Интересные наблюдения о советской политике на китайском направлении содержатся в работах российских китаеведов и советских дипломатов, работавших в годы войны в советском полпредстве в Чунцине⁸¹.

Заметным событием в изучении советской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в годы войны стал выход в свет трудов, в которых представлен современный взгляд на ключевые проблемы военной и дипломатической борьбы в АТР, в том числе: советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г., тихоокеанское «измерение» отношений между СССР

и США, происхождение и уроки Советско-японской войны 1945 г.⁸² Большой интерес представляют сборники, посвященные событиям у озера Хасан, военному конфликту на реке Халхин-Гол и совместным действиям СССР и МНР в войне с Японией в 1945 г.⁸³

В изданных трудах, посвященных политике в отношении Японии, комплексно проанализирована военно-политическая история взаимоотношений СССР и Японии с момента возникновения первого очага Второй мировой войны, дается взвешенный и реалистичный взгляд на подготовку и заключение советско-японского пакта о нейтралитете, высказывается аргументированное мнение по ряду ключевых, до конца не выясненных проблем. Знало ли японское правительство и насколько подробно о плане и сроках нападения Германии на СССР? Почему Япония не напала на СССР летом 1941 г.? Были ли осведомлены в Токио о ялтинских договоренностях по Дальнему Востоку? Делается вывод о том, что начавшаяся война Японии на Тихом океане «не исключала ее нападения на Советский Союз... при условии явного поражения советских войск в войне с Германией», и отмечается, что только после Курской битвы японский генштаб впервые приступил к разработке планов оборонительных, а не наступательных действий на случай войны против СССР⁸⁴.

В работах российских японоведов рассматриваются различные точки зрения на советско-японские и российско-японские отношения, в том числе порой и радикальные суждения (например, предложение поэтапно отдать Токио северные территории)⁸⁵. Следует отметить, что в работах российских японоведов введено в научный оборот большое количество значимых отечественных и зарубежных архивных документов, которые содержат новые сведения о политике СССР.

Нашло отражение в отечественной историографии и советско-американское измерение тихоокеанской войны. Рассматриваются проблемы борьбы против японской агрессии сквозь призму сопоставления политики СССР и США в регионе Дальнего Востока, аспекты присоединения к Советскому Союзу островов Курильской гряды, делается вывод о том, что в 1931–1945 гг. задача обеспечения собственной безопасности перед лицом японской угрозы являлась для СССР доминирующей в его дальневосточной политике, отличавшейся большой осторожностью и ставившей целью не допустить нападения на него Японии⁸⁶.

В изданных работах нашло свое отражение и деятельность советской внешней разведки в Японии и Китае⁸⁷. Наиболее подробно и обстоятельно эта проблема исследована в фундаментальном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». На основе широкого использования новых архивных документов и публикаций освещается роль стратегической и военной разведок в решении многих внешнеполитических, военных проблем не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и на Европейском театре военных действий. Приводятся новые данные, факты о деятельности резидентур, значении сведений, добытых различными видами разведки для стратегического планирования и ведения вооруженной борьбы как на советско-германском фронте, так и на Тихоокеанском театре войны, обеспечения внешнеполитических акций советского правительства⁸⁸.

Таким образом, следует констатировать, что отечественная историография за последнее двадцатилетие вышла на новый уровень осмысления проблематики политики СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе в годы Второй мировой войны. Подавляющее большинство исследователей согласны с тем, что вступление СССР в войну против Японии было правомерно и обусловлено не только исполнением союзнического долга, но и реализацией собственных геополитических интересов. При этом нашей стране удалось избежать вовлечения в длительные военные операции против Японии, а также одновременных действий на двух фронтах. И с военной, и с политической точек зрения дальневосточная политика СССР была лишена крупных стратегических просчетов и успешно выполнила те задачи, которые перед ней ставились.

В целом российской историографией создана серьезная научная база для дальнейшего исследования советской внешней политики в годы Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976.

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I–VI. М., 1978–1980.

³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983; Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983.

⁴ Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. М., 2004.

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1–2. 1939 г. М., 1992; Т. XXIII. Кн. 1–2. 1940–1941 гг. М., 1995–1998; Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. М., 2000; Т. XXV. Кн. 1–2. 1942 г. М., 2010.

⁶ СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из АВП РФ. Т. 1. 22 июня 1941 — 8 мая 1945 г. М., 1996.

⁷ *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941–1942 гг. М., 1997.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

¹² Там же. С. 20.

¹³ *Громыко А. А.* Памятное. Кн. 1–2. М., 1990.

¹⁴ *Майский И. М.* Дневник дипломата. В 2-х кн. М., 2006.

¹⁵ См.: История внешней политики СССР. 1917–1980 гг. В 2-х т. М., 1980.

¹⁶ 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 497.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 379.

¹⁹ *Розанов Г. Л.* Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939–1941 гг. М., 1991. С. 182–209.

²⁰ *Загладин Н. В.* История успехов и неудач советской дипломатии (Политологический аспект). М., 1990. С. 119.

²¹ Там же. С. 123.

²² Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992; *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 гг. М., 1992; *Сахаров А. Н.* Война и дипломатия. 1939–1945 гг. М., 1995.

²³ Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. С. 348.

²⁴ *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941 гг. М., 1997. С. 410–411.

²⁵ *Сиполс В. Я.* Великая Победа и дипломатия. 1941–1945 гг. М., 2000. С. 351–352.

²⁶ *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941 гг. М., 2000.

²⁷ Там же. С. 81.

²⁸ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–194 г. Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007.

²⁹ См.: *Чубарьян А. О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. С. 15.

³⁰ Там же. С. 461.

³¹ Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998–1999.

³² Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3–4. М., 2002.

³³ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 250.

³⁴ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002.

³⁵ Там же. С. 326–327.

³⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011; Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012; Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012; Т. 4. Освобождение советской территории. 1944 г. М., 2012; Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013; Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы войны. М., 2013; Т. 7. Экономика и оружие войны. М., 2013.

³⁷ Фальсификаторы истории. Историческая справка. М., 1948.

³⁸ *Израэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция. Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны. М., 1964.

³⁹ Там же. С. 117.

⁴⁰ *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1967.

⁴¹ *Филитов А. М.* Советский Союз в антигитлеровской коалиции: проблема многовариантности выбора внешнеполитического курса // Советская внешняя политика в ретроспективе. М., 1993. С. 120.

⁴² Союзники в войне. 1941–1945 гг. М., 1995.

⁴³ Война и общество. 1941–1945 гг. В 2-х кн. М., 2002–2004; Война и общество в XX веке. В 3-х кн. М., 2008.

⁴⁴ *Кулиш В. М.* История второго фронта. М., 1971; *Земсков И. В.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982; и др.

⁴⁵ См.: *Земсков И. В.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. С. 38.

⁴⁶ *Безыменский А. Л.* Тайный фронт против второго фронта. М., 1987; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000; *Сиполс В. Я.* Великая победа и дипломатия. 1941–1945 гг.

⁴⁷ *Ржешевский О. А.* История второго фронта: война и дипломатия. М., 1988; *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха. М., 2005; *Орлов А. С.* Союз ради общей победы. М., 1990.

⁴⁸ *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны. М., 1969; *Унда-сынов И. Н.* Рузвельт, Черчилль и второй фронт. М., 1965.

⁴⁹ *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны. 1941–1945 гг. М., 1983; *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006; *Печатнов В. О.* Московское посольство Аверелла Гарримана // Новая и новейшая история. 2002. № 3–4; *Печатнов В. О.* Сталин и Рузвельт — союзники в войне // Великая Победа. Приложение к «Вестнику МГИМО — Университет». Т. 9. М., 2013.

⁵⁰ *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки.

⁵¹ *Мяжков М. Ю.* Проблема послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях 1941–1945 гг. М., 2006; *Мальков В. Л.* Путь к имперству. США в первой половине XX века. М., 2004; *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.

⁵² *Севостьянов Г. Н., Уткин А. И.* США и Франция в годы Второй мировой войны. М., 1974; СССР и Франция в годы Второй мировой войны. М., 2006.

⁵³ См.: *Иванов Р. Ф., Петрова Н. К.* Общественно-политические силы США в годы войны 1941–1945 гг. Воронеж, 1995; *Быстрова И. В.* «Поцелуй через океан»: Большая тройка в свете личных контактов. М., 2011; *Поздеева Л. В.* Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945 гг. М., 2000.

⁵⁴ *Супрун М. Н.* Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Вып. 1–3. Архангельск — Москва, 1991–2000; Ленд-лиз и Россия. Сб. / Сост. и науч. ред. М. Н. Супрун. Архангельск,

2006; *Супрун М. Н.* Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. М., 1998; *Паперно А. Х.* Ленд-лиз. Тихий океан. М., 1998; *Краснов В. И., Краснов Н. В.* Ленд-лиз для СССР. М., 1998; *Соколов В. В.* Ленд-лиз в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 6.

⁵⁵ *Марьина В. В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны (К вопросу о политической функции) // Славянский вопрос: веки истории. М., 1997; *Романенко С. А.* Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX — начало XXI века. М., 2002.

⁵⁶ Советское славяноведение. 1989. № 1; Новая и новейшая история. 1990. № 6; Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 гг. М., 1995.

⁵⁷ См.: Советские военнопленные и движение Сопротивления на польских землях в годы Второй мировой войны. Сб. статей. М., 1991; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР. Сентябрь 1940 — июнь 1941 г. М., 1992; Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994; Другая война. 1939–1945 гг. М., 1995; Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995; Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 3. М., 1999; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999; Война и политика. 1939–1941 гг. М., 2001; Россия — Польша — Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002; Славянский мир в социокультурном измерении. Вып. 1. Ставрополь, 2004; Польша — СССР. 1945–1989 гг. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005; Россия в XX веке. Война 1939–1945 гг. Современные подходы. М., 2005; «Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО — Университет. М., 2009; Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006; Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010; Великая Отечественная война. Исследования, документы, комментарии. 1941 год. М., 2011; Великая Отечественная война. Исследования, документы, комментарии. 1942 год. М., 2012; Великая Отечественная война. Исследования, документы, комментарии. 1943 год. М., 2013; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011; Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013.

⁵⁸ См.: *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 гг.; *Волков В. К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; *Васильева Н. В., Гаврилов В. А.* Балканский тупик?... Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000; *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941 гг. Документы. Факты. Суждения. М., 2000, 2002; *Васильева Н. В., Гаврилов В. А., Миркискин В. А.* Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005; *Мягков М. Ю.* Проблема послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях 1941–1945 гг.; *Невежин В. А.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда 30–40-х годов. М., 2007; *Яковлева Е. В.* Польша против СССР. 1939–1950 гг. М., 2007; *Мартыросян А. Б.* На пути к мировой войне. М., 2008; *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Борьба за Европу. 1939–1941 гг. Документы. Факты. Суждения. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008; *Широкопад А. Б.* Непримириное соседство. М., 2008; *Чубарьян А. О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г.; *Марьина В. В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. М., 2013; и др.

⁵⁹ См.: *Чубарьян А. О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. С. 30–31.

⁶⁰ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 269; «Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО — Университет. М., 2009. С. 65, 42–44.

⁶¹ *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние. 1918–1939 гг. М., 2001. С. 408.

⁶² В общей численности населения этих территорий в 1931 г. поляки составляли менее 29,3%, преобладали украинцы — 41,3%, белорусы — 17%, евреи — 9,3%, прочие — 3,2% (Wysiedlenia, wyp dzenia i uciesczki. 1939–1959. Atlas ziem polskich. DEMART, 2008. S. 12, 14).

⁶³ Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985.

⁶⁴ См.: *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1982; *Гибианский Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987; *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения. 1945–1949 гг. М., 1990; *Марьина В. В.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4; *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001, 2009; Польша — СССР. 1945–1989 гг. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005; *Марьина В. В.* СССР и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг.; Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2007, 2009; *Валева Е. Л.* Болгария во Второй мировой войне // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989 гг. СПб., 2010; Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010; Великая Отечественная война. Исследования, документы, комментарии. 1942 год. М., 2012.

⁶⁵ *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в странах Восточной Европы в 1944–1948 гг. М., 1993; У истоков «социалистического содружества». СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995; Война и политика. 1939–1941 гг. М., 1999; Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008; Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010; и др.

⁶⁶ См.: *Гибианский Л. Я.* Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 40-е годы // Холодная война: новые подходы, новые документы М., 1995; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Создание соцлагеря // Советское общество: возникновение, развитие, финал. Т. 2. М., 1997; *Наринский М. М.* Европа: проблема границ и сфер влияния. 1939–1947 гг. // Свободная мысль. 1998. № 3; *Марьина В. В.* «Ворота на Балканы»: Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии. 1939–1941 гг. // Война и политика. 1939–1941 гг. М., 1999; *Марьина В. В.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4; *Гуськова Е. Ю.* Балканы как отражение геополитических итогов Второй мировой войны // Военный альманах. М., 2005; *Волокитина Т. В.* Операция Красной армии на Черноморском побережье Румынии и Болгарии в контексте геостратегических интересов СССР // *Comisia bilaterală istoricilor din România și Federația Rusă: Sesiunea a IX-a. Constanța*, 2005; *Валева Е. Л., Волокитина Т. В.* Советский фактор в Болгарии в годы Второй мировой войны: дискуссионные вопросы болгарской историографии // Славяноведение. 2011. № 3; и др.

⁶⁷ См.: У истоков «социалистического содружества». СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995. С. 16–17, 19, 35.

⁶⁸ См.: СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в середине — второй половине 40-х годов // Советское славяноведение. 1991. № 6; *Гибианский Л. Я.* Кремль и создание советского блока в Восточной Европе: некоторые проблемы исследования и интерпретации новых документов // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000.

⁶⁹ *Гибианский Л. Я.* Советские цели в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблемы изучения источников // *Russian Histori — Histoire Rüsse. The soviet global impact: 1945–1991. Idyllwild, California. Vol. 29. 2002. Nos. 2–4. 210–211, 214*; Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 142.

⁷⁰ См.: *Волокитина Т. В.* Сталинизм в Восточной Европе в 40-е годы XX века: к проблеме изучения (Дискуссионные аспекты) // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов. М., 2005. С. 32–38; *Носкова А. Ф.* Геополитические планы СССР и трагедия Армии Крайовой // *Studia Slavica — Polonica. К 90-летию И. И. Костюшко*. М., 2009. С. 217.

⁷¹ В этой связи можно привести мнение Кристины Керстен — одной из самых вдумчивых исследователей истории Польши в период войны и первые послевоенные годы: «Каким было польское общество после пятилетней войны и оккупации — вот вопрос, который должен быть поставлен, когда изучаешь историю формирования коммунистической системы власти. Независимо от внешних условий, созданных международными договорами, и непосредственно от присутствия Красной Армии в Польше, общество,

его состояние, позиции и поведение решающим образом воздействовали на характер политических процессов. Нельзя понять событий того времени без осознания положения в момент окончания войны, в котором находились 24 млн поляков» (*Kersten K. Narodziny systemu w adzy. Polska. 1943–1947. Warszawa, 1985. S. 119*).

⁷² См.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественные процессы в странах Восточной Европы в 1944–1948 гг.; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953 гг. Очерки истории. М., 2002. С. 27–60.

⁷³ См.: *Носкова А. Ф.* Октябрьская революция 1917 года в России и проблема советизации стран Восточной Европы на рубеже 40–50-х годов XX века // *Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды.* М., 2009.

⁷⁴ Очаги тревоги в Восточной Европе (драма национальных противоречий). М., 1994; Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее. М., 1995; Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 гг. М., 2004; *Марына В. В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003; *Пушкаш А. И.* Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945 гг. М., 2006; *Мельтохов М. И.* Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях. 1917–1940 гг. М., 2006; *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг. М., 2008; *Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений.* СПб., 2009; *Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989 гг.* СПб., 2010; *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века.* М., 2011; *Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы.* Новосибирск, 2012.

⁷⁵ *Болгария в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2003; *Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории.* В 2-х кн. М., 2005; *Югославия в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2011; *Польша в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2012.

⁷⁶ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. М., 2001.

⁷⁷ *Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года. История военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы.* В 2-х т. Т. 18 (7–2). М., 2000.

⁷⁸ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 5. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 — май 1943 г. М., 2007.

⁷⁹ *Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы.* Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1. 1937–1944 гг.; Кн. 2. 1944–1945 гг. М., 2000.

⁸⁰ *Мировицкая Р. А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945 гг. М., 1999; *Телицын В. Л.* Пылающий Китай. Военные конфликты в Китае и советские «добровольцы». М., 2003. *Сотникова И. А.* Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // *Проблемы Дальнего Востока.* 2011. № 3.

⁸¹ *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952 гг. М., 1999; *Каница М. С.* На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996; *Крутиков К. А.* На китайском направлении. Из воспоминаний дипломата. М., 2003.

⁸² *Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке.* М., 2010; *Александров А. А.* Великая победа на Дальнем востоке. Август 1945 г.: от Забайкалья до Кореи. М., 2004; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой М., 2002; *Черевко К. Е.* Серп и молот против самурайского меча. М., 2003; и др.

⁸³ «На границе тучи ходят хмуро...» (К 65-летию событий у озера Хасан). Аналитические материалы. М., 2005; Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009; *Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911–1946 гг.* Сб. документов. В 2-х ч. Москва — Улан-Удэ, 2008.

⁸⁴ См.: *Черевко К. Е., Кириченко А. А.* Советско-японская война. 9 августа — 2 сентября 1945 г. Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006; *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004; *Кошкин А. А.* Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010; *Кошкин А. А.* Предыстория заключения пакта Молотов — Мацуока. 1941 г. // *Вопросы истории.* 1993. № 6; *Кошкин А. А.* Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. и его послед-

ствия // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5; *Славинский Б. Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941–1945 гг. М., 1995; *Славинский Б. Н.* Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». М., 1996; *Славинский Б. Н.* Советская оккупация Курильских островов. Август — сентябрь 1945 г. Документальное исследование. М., 1993; *Славинский Б. Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945 гг. М., 1999.

⁸⁵ *Славинский Б. Н.* Ялтинская конференция и проблема «северных территорий»; *Славинский Б. Н.* Советская оккупация Курильских островов. Август — сентябрь 1945 г. Документальное исследование; *Славинский Б. Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945 гг.

⁸⁶ См.: *Печатнов В. О.* От союза — к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М., 2006. *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки; *Сафронов В. П.* Война на Тихом океане. СССР, США, Япония в условиях мирового конфликта. 1931–1945 гг. М., 2007; *Сафронов В. П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001; *Курилы — острова в океане проблем.* М., 1998; *Русские Курилы. История и современность.* Сб. документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2002; *Вишневский Н. В.* Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны. Южно-Сахалинск, 2000; *Ткаченко Б. И.* Проблема эффективности внешней политики России на Дальнем Востоке. Владивосток, 1996.

⁸⁷ Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти т. Т. 2. 1917–1933 гг.; Т. 3. 1933–1941 гг.; Т. 4. 1941–1945 гг. М., 1996, 2003, 2007; *Гаврилов В. А., Горбунов Е. А.* Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004; *Горбунов Е. А.* Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002; *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007.

⁸⁸ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией; Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы войны.